

Акакий Акакиевич

Башмачкин Акакий Акакиевич — центральный персонаж повести о пропавшей шинели, «вечный титулярный советник» (статский чиновник 9-го класса, не имеющий права на приобретение личного дворянства — если он не родился дворянином; в военной службе этому чину соответствует звание капитана, что в какой-то степени роднит несчастного Башмачкина с несчастным капитаном Копейкиным из «Мертвых душ»). «Маленький человечек с лысинкой на лбу», чуть более пятидесяти лет, служит переписчиком бумаг «в одном департаменте». В основу сюжета положен полностью переосмысленный анекдот о чиновнике, который долго копил на ружье, потерял его во время первой же охоты, слег и умер бы, если бы сослуживцы не собрали по подписке деньги на новое ружье. Образ Акакия Акакиевича связан с социальным типом «маленького человека», занимавшим русских писателей 1830–1840-х годов. (Самсон Вырин из «Повестей Белкина», бедный Евгений из «Медного всадника» Пушкина; герои многочисленных журнальных повестей о «бедных чиновниках»). Связан он и с литературным типом нищего мечтателя-неудачника немецкой и французской прозы той эпохи (переписывающий арабские манускрипты Ансельм из «Золотого горшка» Гофмана; папаша Горио Бальзака, его же полковник Шабер, выбравшийся из могилы в одной «шинелишке» и пытающийся отстоять свои права в этом несправедливо устроенном мире).

Акакий Акакиевич живет в обезличенном обществе, — поэтому вся повесть о нем строится на формулах типа «один день», «один чиновник», «одно значительное лицо». В обществе этом утрачена иерархия ценностей, поэтому речь рассказчика, который почти ни в чем не совпадает с автором, синтаксически нелогична, обеднена, избыточна словечками типа «даже». Однако «даже» косноязычие рассказчика не идет ни в какое сравнение с косноязычием героя: Акакий Акакиевич изъясняется практически одними предложениями и наречиями. Всю жизнь он служит на одном и том же месте, в одной и той же должности; жалованье у него мизерное — 400 рублей в год, вицмундир давно уже не зеленого, а рыжевато-мучного цвета; выношенную до дыр шинель сослуживцы, которые постоянно издеваются над Акакием Акакиевичем, называют капотом.

Сюжет (принципиально ослабленный, растворенный в социально-психологическом анализе) завязывается в момент, когда Акакий Акакиевич, измученный северным морозом Петербурга, является к одноглазому портному Петровичу с просьбой в очередной раз подлатать ветхую ткань — и получает решительный отказ: нужно шить новую, старая починке не подлежит. Второй визит к «беспощадному» Петровичу (который, словно бы не замечая ужаса клиента, грозит разорительной суммой в 150, а то и 200 рублей) не помогает. Приняв двугривенный на опохмел, тот повторяет вчерашний «диагноз»: починить нельзя, нужно шить новую. Расчислив все свои доходы и расходы, Акакий Акакиевич решает на приобретение новой шинели. Имея привычку от каждого потраченного рубля оставлять по грошу, он уже накопил 40 рублей; сколько-то удастся собрать за счет отказа от вечернего чая и свечей; наконец, департаментские «деньги к празднику», вопреки ожиданию, выплачивают в размере 60 рублей — вместо обычных 40. Акакий Акакиевич воодушевлен «вечной идеей будущей шинели»; несмотря на всю свою робость, он допускает даже порой «дерзкие и отважные мысли», а не положить ли куницу на воротник? Через 2–3 месяца суровой аскезы минимально необходимые 80 рублей собраны; шинель — с крашеной кошкой вместо куницы — сшита; тихий Акакий Акакиевич по дороге в департамент несколько раз усмехается — чего с ним прежде никогда не случалось. Сослуживцы предлагают «вспрыснуть» обнову; вечер назначен у помощника столоначальника, живущего в лучшей части города, куда Акакий Акакиевич

едва ли не впервые отправляется со своей окраины. Благодаря шинели словно какая-то пелена спадает с его глаз; он удивленно разглядывает модные лавки, столичное освещение... В гостях — опять же едва ли не впервые в жизни — он задерживается до 12 ночи, выпивает шампанского — и на возвратном пути из светлого центра к темной окраине лишается шинели, которую успел ощутить «подругой жизни». Некие люди с усами окружают его, и один из них, произнеся: «А ведь шинель-то моя!» — показывает кулак величиною с чиновничью голову.

Первый круг житейского ада пройден; день величайшего торжества завершился ночью величайшей утраты. Сюжет повести идет на второй заход; Акакию Акакиевичу предстоит новый круг ада — на сей раз бюрократического.

Явившись рано поутру к частному приставу, Акакий Акакиевич слышит ответ — еще спит; в 10 утра — еще спит; в 11 — его уже нет дома. Прорвавшись в обеденное время к недовольному приставу Акакий Акакиевич ничего не добивается. Вместо того чтобы начать поиск похищенной шинели, частный выговаривает потерпевшему: «да почему он так поздно возвращался, да не был ли в беспорядочном доме» и проч. Не найдя поддержки внизу иерархической лестницы, Акакий Акакиевич решается искать защиты «наверху» — у «одного значительного лица», лишь недавно получившего генеральский чин. Само по себе это «значительное лицо» вовсе не злобно; однако чин и сознание высоты собственного положения совершенно сбивают его с толку. Человеческое начало подавлено в нем бюрократическим гонором. Просьба несчастного Акакия Акакиевича «списаться как-нибудь с г. обер-полицмейстером» вызывает в генерале приступ чиновного негодования (надо было через секретаря), а невинное замечание («секретари того... ненадежный народ») приводит в такое неистовство, что робкого Акакия Акакиевича канцеляристы должны подхватить и вывести под руки в полубморочном состоянии.

Потрясенный, в дырявой шинели, с открытым от изумления ртом, он возвращается домой; по дороге вьюга надувает ему горловую жабу; доктор выносит приговор — неизбежную смерть не позднее полутора суток. Так и не очнувшись (в бреду ему видится шинель с западнями для воров), «сквернохульничая» на Его Превосходительство, Акакий Акакиевич умирает. Подобно бедному Евгению из пушкинского «Медного всадника», оказавшись за гранью разума и на волосок от смерти, он бессильно бунтует против безличного «властелина судьбы». («Фальконетов монумент» Медного всадника как бы случайно упомянут в повести; в цензурном варианте поэмы Пушкина монолог Евгения «Ужо тебе!» был выпущен; однако, даже если Гоголь не был знаком с рукописным текстом, в статье Белинского о поэме была высказана догадка о недостающем фрагменте.)

Акакий Акакиевич покидает пределы этой омертвевшей жизни, где даже о кончине человека узнают лишь на четвертый день после похорон (на дом к Акакию Акакиевичу является посыльный из департамента, чтобы узнать, почему того нет в присутствии) — и тут же заменяют «выбывшего» новым исполнителем функции. Сюжет совершает третий «заход»; характер повествования резко меняется. Рассказ о «посмертном существовании» Акакия Акакиевича в равной мере исполнен ужаса и комизма, фантастического правдоподобия и насмешливо поданной неправдоподобности. Выйдя из подчинения законам мира сего, Акакий Акакиевич из социальной жертвы превращается в мистического мстителя. В мертвенной тишине петербургской ночи он срывает шинели с чиновников, не признавая бюрократической разницы в чинах и действуя как за Калинкиным мостом (то есть в бедной части столицы), так и в богатой части города. Лишь настигнув непосредственного виновника своей смерти, «одно значительное лицо», которое после дружеской начальственной вечеринки направляется к «одной знакомой даме Каролине Ивановне», и сорвав с него генеральскую шинель, «дух» мертвого Акакия Акакиевича успокаивается, исчезает с петербургских площадей и улиц. Видимо, «генеральская шинель пришла к нему совершенно по плечу».

Таков итог жизни социально ничтожной личности, превращенной в функцию. У Акакия Акакиевича не было никаких пристрастий и стремлений, кроме страсти к бессмысленному переписыванию департаментских бумаг; кроме любви к мертвым буквам: ни семьи, ни отдыха, ни развлечений. Но социальное ничтожество неумолимо ведет к ничтожеству самого человека. Акакий Акакиевич, по существу, лишен каких бы то ни было качеств. Единственное *положительное* содержание его личности определяется *отрицательным* понятием: Акакий Акакиевич *незловив*. Он не отвечает на постоянные насмешки чиновников-сослуживцев, лишь изредка умоляя их в стиле Поприщина, героя «Записок сумасшедшего»: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»

Само имя Акакий в переводе с греческого — и означает «незловивый». Однако этимологический смысл имени без остатка скрыт за его «неприличным» звучанием. Фекальные ассоциации усилены «списком» столь же неприлично звучащих имен, которые будто бы попадались в святцах матушке Акакия Акакиевича перед крещением младенца: Мокий, Соссий, Хоздазат, Трифиллий, Дула, Варахисий, Павсикакий. Гоголь рифмует «недостойное» звучание имен с ничтожеством героя. Бессмысленна и его фамилия, которая, как иронически замечает рассказчик, произошла от башмака, хотя все предки Акакия Акакиевича и «даже» шурин (притом что герой — не женат) ходили в сапогах.

Но незловивость Акакия Акакиевича обладает определенной духовной силой; в повесть введен «боковой» эпизод с «одним молодым человеком», который внезапно услышал в жалостливых словах обиженного Акакия Акакиевича «библейский» возглас: «Я брат твой» — и переменял всю свою жизнь. Так социальные мотивы, связанные с Акакием Акакиевичем как «типом», оказываются изначально обреченными с религиозным содержанием его образа; и вся печальная история о шинели строится на взаимопереходе, взаимопереходе социального начала в религиозное, и наоборот.

Пристрастие Акакия Акакиевича к буквам «обличает» безличность бюрократического мироустройства, в котором содержание подменено формой. И в то же самое время оно пародирует сакральное, мистическое отношение к священной Букве, Знаку, за которым скрыт таинственный смысл. Описание ледяного зимнего ветра, который мучит петербургских чиновников и в конце концов убивает Акакия Акакиевича, связано с темой бедности и униженности «маленького человека». И в то же самое время, как давно замечено, время в «Шинели» расчислено по особому календарю; естественная хронология грубо нарушена, чтобы действие начиналось зимой, зимой продолжилось и зимой завершилось. Петербургская зима в изображении Гоголя приобретает метафизические черты вечного, адского, обезвоженного холода, в который вморожены души людей — и душа Акакия Акакиевича прежде всего.

Далее, образ начинающего генерала, у которого лицо как бы подменено безличной значительностью звания («одно значительное лицо»), тоже показывает безличие бюрократии. Однако и он встроен в религиозно-символический план повествования. Он словно сходит с табакерки портного Петровича, на которой изображен генерал со стершимся лицом, заклеенным бумажкой. Он демонически подменяет собою Бога и вершит высший суд над социальной душой Акакия Акакиевича («что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников высших»).

Сам Акакий Акакиевич поминает в предсмертном бреде «Его Превосходительство». Это бунт «маленького человека» против унизившего его начальства — и одновременно это своеобразное социальное богоборчество. Ибо «значительное лицо» и впрямь замещает в чиновном сознании Акакия Акакиевича идею Бога. Слова «сквернохульничать» в русском языке нет и быть не может; это тавтология, замещающая богохульство (потому хозяйка и крестится в ужасе, вслушиваясь в предсмертный бред Акакия Акакиевича). Наконец, само отношение Акакия Акакиевича к вождельной шинели и социально, и эротично («подруга жизни»), и религиозно. Мечта о новой шинели питает его духовно, превращается для него в «вечную идею будущей шинели», в идеальный образ вещи,

существующий, в полном согласии с древнегреческим философом Платоном, до и помимо нее. День, когда Петрович приносит обнову, становится для Акакия Акакиевича «самым торжественнейшим в жизни» — неправильная стилистическая конструкция (либо «самый», либо «торжественнейший») уподобляет этот день Пасхе, «торжеству из торжеств». Прощаясь с умершим героем, автор замечает: перед концом жизни мелькнул ему светлый гость в виде шинели; *светлым гостем* принято было именовать ангела. Жизненная катастрофа героя предопределена столько же бюрократически-обезличенным, равнодушным мироустройством, сколько и религиозной пустотой действительности, которой принадлежит Акакий Акакиевич, и пустотой самого Акакия Акакиевича. Что здесь причина, что следствие, определить невозможно. Социальная подоплека смерти несчастного героя — насквозь метафизична; посмертное, «загробное» воздаяние, о котором автор сообщает то предельно всерьез, то предельно иронически, насквозь социально.

Однако читатели XIX века рассматривали образ Акакия Акакиевича прежде всего в социальном контексте; бесчисленные проекции этого образа (начиная с Макара Деушкина в «Бедных людях» Достоевского, который как бы восстанавливает «тип» маленького человека в духовных правах, и до героев Чехова) направлены в морально-общественную плоскость, сведены к теме безвинно и безнадежно страдающего человека. Однако религиозно-философская энергия, заключенная в образе Акакия Акакиевича, в конце концов пробьется сквозь сугубо социальные наслоения — и отзовется в поздней прозе того же Достоевского (персонажи романа «Униженные и оскорбленные», Соня Мармеладова и Катерина Ивановна в «Преступлении и наказании», Хромоножка в «Бесах» и др.).